34 Хмк К „Пров 4

А. Краснопольскій.

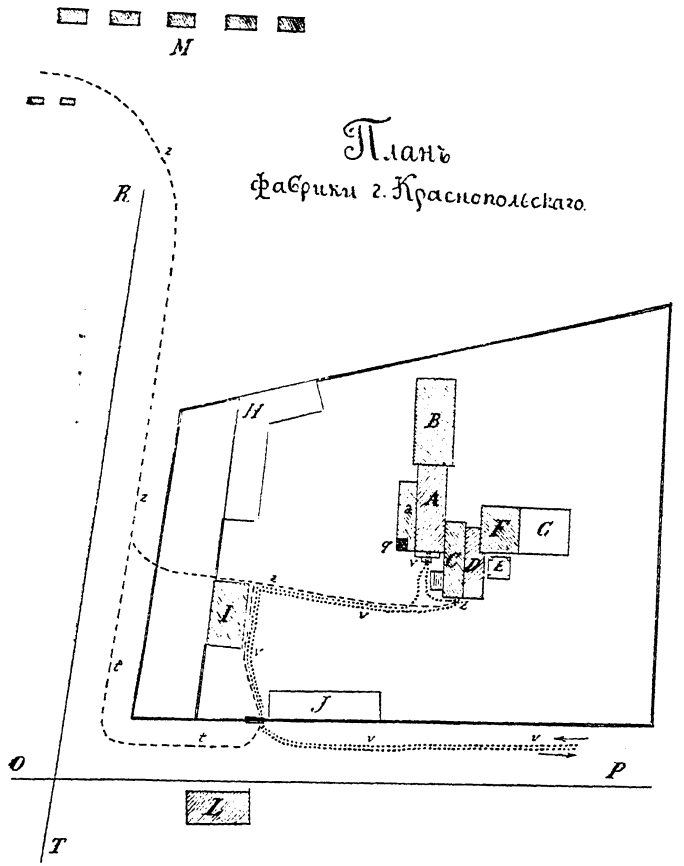
Открытое письмо господину министру Юстиціи.

Изданіе автора.

Цѣна 50 пф.

БЕРЛИНЪ
ТИПОГРАФІЯ П. СТАНКЕВИЧА.
1901.

221740

Объясненія къ плану.

M Сельцо Плѣсенское.
RT Дорога изъ г. Подольска въ г. Верею.
OP Дорога отъ барскаго дома къ мумельному заводу Шлиппе.
L Дача, съ которой Шлиппе наблюдалъ за поджогомъ; здѣсь съ нимъ сдѣлалось дурно и отсюда сторожъ Николай свезъ его домой.
A, B, C, D, F, a Строенія, уничтоженныя пожаромъ.
I Изба, *q* Каменная фабричная труба, уцѣлѣвшая отъ пожара.
E, G, H, J Строенія, самовольно уничтоженныя Шлиппе до поджога.
zz Обычный кратчайшій путь сторожа на фабрику.
tt Путь сторожа на фабрику черезъ ворота.
vv Красные слѣды поджигателя, шедшіе съ мумельнаго завода Шлиппе.

Открытое письмо г. министру Юстиціи.

Милостивый Государь,
Николай Валеріановичъ.

Вашему Высокопревосходительству, какъ лицу, стоящему во главѣ Министерства Юстиціи, несомнѣнно извѣстно вопіющее дѣло о поджогѣ землевладѣльцемъ Верейскаго уѣзда, Московской губерніи, Викторомъ Карловичемъ фонъ-Шлиппе, 23 марта 1899 года, моей бумажной фабрики въ его имѣніи при сельцѣ Плѣсненскомъ.

Слѣдственное производство по этому дѣлу закончилось прекращеніемъ, между тѣмъ какъ данныя, добытыя слѣдствіемъ, прямо влекутъ Виктора Шлиппе на скамью подсудимыхъ. Это какъ бы укрывательство судебными властями есть явленіе довольно новое въ лѣтописяхъ нашего правосудія. Такое, на первый взглядъ, непостижимое отношеніе чиновъ судебнаго вѣдомства къ своимъ обязанностямъ, объясняется очень просто: родные братья поджигателя — Тульскій губернаторъ Владиміръ Шлиппе и Верейскій предводитель дворянства Александръ Шлиппе — лица вліятельныя, ссориться съ которыми невыгодно.

Не найдя закономѣрнаго и справедливаго рѣшенія возбужденному мною судебному дѣлу и не имѣя возможности предать его на судъ общества иначе, какъ въ заграничномъ изданіи, я счелъ нужнымъ изложить передъ Вами все дѣло въ настоящемъ открытомъ письмѣ.

Фабрика, о которой идетъ рѣчь, принадлежала ранѣе Шлиппе. Она перешла въ мою собственность съ публичнаго торга. Сначала я имѣлъ намѣреніе эксплуатировать ее, но, благодаря непріятностямъ, которыя упорно причинялъ мнѣ Шлиппе, мѣшая производству фабрики и выживая меня съ моей земли, я вынужденъ былъ отказаться отъ этой мысли и рѣшилъ продать фабрику, предварительно произведя надлежащій ремонтъ. Когда онъ былъ конченъ, я заколотилъ фабрику и началъ подыскивать покупателя. Въ это время на фабрикѣ никто не жилъ и даже сторожъ ея ночевалъ въ деревнѣ. И вотъ, моя фабрика, окруженная владѣніями Шлиппе, стоящая въ сторонѣ, въ полѣ, заколоченная и занесенная снѣгомъ, загорается 23 марта 1899 года.

Пожаръ былъ замѣченъ первыми: старостой Пѣтуховымъ и бывшимъ старшиной Лукьяновымъ, которые вмѣстѣ съ сыномъ старосты Василіемъ — сторожемъ фабрики, — бросились бѣжать къ мѣсту пожара. Подбѣгая, старшина Лукьяновъ закричалъ: „слѣды! обрати вниманіе на слѣды! слѣды валеныхъ сапогъ!“ Разсматривая совмѣстно, откуда и куда велъ слѣдъ, онъ добавилъ: „и сапоги то валеные, подшитые“. По бѣлому фону свѣжаго снѣга, *выпавшаго въ эту ночь,* ярко выдѣлялись *красные* слѣды, окрашенные приготовляемой на заводѣ Шлиппе краской, муміей. Слѣды шли по цѣлику отъ завода Шлиппе къ моей фабрикѣ и въ такомъ направленіи, въ которомъ *никто никогда* ранѣе не ходилъ. Они направлялись по наружной лѣстницѣ, тоже покрытой снѣгомъ, къ двери 2-го этажа. Очевидно, чрезъ эту дверь злоумышленникъ пытался проникнуть (такъ какъ доска, которою была заколочена дверь, оказалась оторванной), но не могъ этого сдѣлать, потому что дверь была изнутри заперта: черезъ нее не ходили. Затѣмъ слѣдъ велъ обратно внизъ по заколоченному окну, у котораго щитъ оказался оторваннымъ. Поджи-

гатель проникъ черезъ окно нижняго этажа и произвелъ поджогъ въ рольномъ отдѣленіи второго этажа, что было удостовѣрено вошедшими туда старшиной и старостой.

Тотчасъ же сбѣжавшимися крестьянами была поставлена стража для охраны слѣдовъ до прибытія властей, такъ какъ всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что здѣсь поджогъ. Шлиппе не сразу явился на пожаръ, хотя его домъ находится въ двухминутномъ разстояніи отъ фабрики, а пришедши, и видя что стоитъ охрана, что преступленіе раскрыто, что окружающіе говорятъ о поджогѣ, Шлиппе, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, сталъ вторить крестьянамъ, что здѣсь поджогъ. Семьи Шлиппе въ это время въ деревнѣ не было, хотя она всегда тамъ живетъ.

Извѣстіе о пожарѣ я получилъ въ Москвѣ въ тотъ же день поздно вечеромъ и на слѣдующее утро отправился въ сельцо Плѣсенское. Первыми словами встрѣтившаго меня станового пристава Козлова были: „здѣсь *несомнѣнный* поджогъ; застрахована ли фабрика?“ Узнавъ, что фабрика не застрахована, онъ объявилъ, что протоколъ уже написанъ (въ домѣ Шлиппе) въ мое отсутствіе и предложилъ мнѣ подписать его, дополнивъ лишь показаніемъ о нестраховкѣ. Но я съ такимъ протоколомъ не согласился. Тогда приставъ пригласилъ меня въ избу старосты, а самъ отправился къ Шлиппе за написаннымъ уже протоколомъ. Когда приставъ пришелъ ко мнѣ, то сталъ торопиться ѣхать домой и опять предлагалъ подписать готовый уже протоколъ. Я по прежнему съ этимъ не соглашался, но приставъ упорствовалъ, и мнѣ большого труда стоило настоять на своемъ требованіи. Приставъ вообще противодѣйствовалъ мнѣ во все время писанія протокола, такъ что я даже сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ я ничего не буду показывать, а обращусь къ содѣйствію прокурора.

Шлиппе заболѣлъ и слегъ въ постель, когда до него дошли слухи, что подозрѣніе въ поджогѣ я заявилъ на него. Это подозрѣніе было мною выражено въ слѣдующихъ словахъ протокола: „имѣю подозрѣніе въ поджогѣ на дворянина Виктора Карловича Шлиппе, своего сосѣда. Причина подозрѣнія основывается на крайне враждебныхъ отношеніяхъ его ко мнѣ. Враждебныя отношенія Шлиппе ко мнѣ начались со ввода меня во владѣніе фабрикой. Шлиппе желалъ вообще отъ меня отдѣлаться и притѣснялъ меня. Онъ тотчасъ, по вводѣ меня, Краснопольскаго, во владѣніе фабрикой, лишилъ меня воды, потребной для фабрикаціи, изъ рѣчки. Говорилъ, что не дозволитъ спускать отработанную воду въ рѣчку, и по поводу этого было даже судебное дѣло у земскаго начальника, который призналъ меня невиновнымъ. Наконецъ, поджогомъ фабрики могъ скрыть несуществованіе тѣхъ зданій и машинъ, которыя я не получилъ отъ его жены, Шлиппе, при вводѣ меня во владѣніе, о взысканіи которыхъ имѣется дѣло въ Московскомъ Окружномъ Судѣ. Другихъ же подозрѣвать никого не могу, потому что нахожусь въ добрыхъ отношеніяхъ“.

Эту послѣднюю фразу приставъ не желалъ писать, но я настоялъ; тогда онъ сталъ совѣтовать мнѣ и даже просить меня написать, что я ничего противъ Шлиппе не имѣю, никакихъ уликъ и т. п. Я съ этимъ не согласился. Приставъ также не хотѣлъ занести моихъ словъ въ протоколъ, гдѣ я говорю: „что все кругомъ было покрыто снѣгомъ“. При дачѣ показаній свидѣтелями приставъ, насилуя ихъ, подсказывалъ имъ отвѣты, и мало того, даже кричалъ на свидѣтелей. Я принужденъ былъ ему замѣтить, что свидѣтели въ такомъ случаѣ не могутъ давать свободныя, по совѣсти показанія: „Вы ихъ крикомъ своимъ пугаете“. Когда же одинъ изъ рабочихъ Шлиппе показалъ, что за исключеніемъ двухъ изъ нихъ, всѣ остальные хо-

дятъ въ лаптяхъ, то приставъ не хотѣлъ этого писать и написалъ это только по усиленному моему настоянію, такъ какъ извѣстно, что и Шлиппе тоже имѣетъ валеные сапоги, и тоже подшитые, и въ этихъ сапогахъ онъ ходитъ иногда ночью мимо моей фабрики на свой заводъ смотрѣть за рабочими, какъ они работаютъ краску мумію.

Протоколъ былъ законченъ въ 10 час. вечера, и становой приставъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо въ Наро-Ѳоминское, куда онъ раньше сильно торопился, отправился зачѣмъ-то въ Шлиппе. Я, напившись чаю, вскорѣ легъ спать. Въ избѣ былъ полный мракъ, такъ какъ всѣ огни были загашены, даже лампадки не горѣло. Я вскорѣ крѣпко уснулъ, потому что въ предшествовавшую ночь не спалъ отъ непріятнаго извѣстія о пожарѣ, а днемъ былъ утомленъ поѣздкой на фабрику. Въ 12-мъ часу ночи я былъ внезапно разбуженъ окликомъ станового пристава, явившагося съ урядникомъ. Приставъ стоялъ по срединѣ комнаты и искалъ меня, спрашивая, гдѣ я лежу, такъ какъ въ избѣ было совершенно темно; урядникъ же стоялъ въ дверяхъ. Вскорѣ староста внесъ въ комнату лампу; затѣмъ послѣдовалъ слѣдующій разговоръ: „Александръ Ивановичъ, прошу васъ встать: я пришелъ сообщить вамъ, что за данныя вами показанія вы строго отвѣтите.“ При этихъ словахъ онъ спросилъ чернила и сталъ что-то писать. — „Г-нъ приставъ, я усталъ и крѣпко уснулъ, напрасно вы меня разбудили: — я не встану и не буду мѣнять свои показанія.“ — „Но вы за такія показанія отвѣчаете“; и, обращаясь къ уряднику, говоритъ: „по какой статьѣ отвѣчаетъ?“ — „По 37 статьѣ.“ — „Что она гласитъ?“ — „Въ не столь отдаленныя.“ — По тону станового и урядника я замѣтилъ, что меня запугиваютъ, застрашиваютъ и хотятъ во что бы то ни стало добиться измѣненія показанія. Днемъ во время составленія протокола урядникъ былъ вѣжливъ, тонъ голоса его былъ сдержанъ;

теперь же онъ былъ неузнаваемъ: онъ отвѣчалъ возвышеннымъ голосомъ, отрывисто, какъ бы по затверженному, даже грубо; видно было, что все это было заранѣе подготовлено. — „Тѣмъ не менѣе я не встану и мѣнять показаній не буду, — отвѣтилъ я, — такъ какъ я не клеветалъ, давалъ показанія въ подозрѣніи, что было извѣстно понятымъ; подозрѣвать же — это мое неотъемлемое право, тѣмъ болѣе, что подозрѣнія мои обоснованы. Напрасно вы, сударь, пришли.“ — „Мы обязаны предупреждать дающихъ подобныя показанія; я для вашей пользы, — совѣтую вамъ.“ Но, видя, что я не поддаюсь, приставъ, продолжая писать, обращается къ уряднику: — „Еще по какой статьѣ отвѣчаетъ, по 40-й что ли?“ — „Нѣтъ, по 840 статьѣ“ — и при этомъ урядникъ упомянулъ еще что-то, какія то наказанія. Я продолжалъ: „если вы говорите, что дѣлаете это въ моихъ интересахъ, чтобы я не пострадалъ, то почему, когда днемъ, при составленіи протокола, я обратился къ вамъ съ просьбой сказать мнѣ ту статью закона, которая предоставляетъ право каждому высказывать подозрѣніе, такъ какъ я хотѣлъ сослаться на эту статью при дачѣ моихъ показаній, вы отозвались незнаніемъ этой статьи закона и сказали, что вы не обязаны этого знать, а теперь ночью будите меня для какой-то моей пользы?“ На это приставъ мнѣ ничего не отвѣтилъ, а урядникъ самъ, (къ нему не обращались) сказалъ: „имѣется циркуляръ министра Муравьева отъ 1888 года за № такимъ то, въ силу котораго мы обязаны предупреждать. Приставъ въ минорномъ уже тонѣ опять проситъ меня встать и говоритъ, что это онъ дѣлаетъ только для меня, а я ему отвѣтилъ: „что жъ, если бы я высказалъ подозрѣніе на какого-нибудь Иванова, Петрова и т. д., то, по вашему, я не отвѣчалъ бы и вы ко мнѣ не пришли бы ночью. А разъ я высказалъ подозрѣніе на Шлиппе, то стало быть, по вашему, я отвѣчаю? Вѣдь, законы для всѣхъ

равны.“ Послѣ этого приставъ, много разъ заискивающе извиняясь за безпокойство, удалился. Было двѣнадцатаго 26 минутъ ночи.

Несмотря ни на выше указанные факты, ни на мое заявленіе судебному слѣдователю отъ 23 апрѣля 1899 г., въ которомъ, между прочимъ, я говорю, что „для меня не такъ важны дѣйствія пристава, ни даже сама личность пристава въ этомъ дѣлѣ, для меня важны причины, побудившія пристава къ такимъ дѣйствіямъ“; несмотря на словесныя объясненія, сдѣланныя мною камерному товарищу прокурора, слѣдствіе, къ крайнему моему удивленію, черезъ два мѣсяца послѣ поджога было прекращено.

Окружный Судъ утвердилъ постановленіе прокурора о прекращеніи слѣдствія, но я съ такимъ постыднымъ рѣшеніемъ не согласился и немедля возбудилъ вновь дѣло, находя вышеизложенные факты важными и, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу чиновъ судебнаго вѣдомства, вполнѣ достаточными для привлеченія Шлиппе къ отвѣтственности. Кромѣ того, я заявилъ о новыхъ обстоятельствахъ, еще болѣе уличающихъ Шлиппе, которыя и подтвердились при дослѣдованіи.

Эти обстоятельства заключались въ томъ, что Шлиппе не разъ высказывалъ, будто фабрика, находясь въ центрѣ его имѣній, мѣшаетъ ему спокойно жить и причиняетъ нравственную боль; чтобы избавиться отъ нея, онъ просилъ старосту сельца Плѣсенскаго Пѣтухова найти покупателя на фабричныя машины на свозъ, послѣ чего участокъ земли подъ фабрикой, принадлежащій мнѣ, онъ пріобрѣлъ бы уже легко. Также Шлиппе говорилъ своему знакомому, съ которымъ онъ имѣлъ дѣла, нѣкоему Сафонову, торговцу старымъ желѣзомъ и машинами, что не худо бы было, еслибы фабрика сгорѣла: „я не могу, говорилъ Шлиппе, переносить, что она въ чужихъ рукахъ, она не даетъ мнѣ покоя, это острый ножъ для меня, чирій

на носу“ и пр. и *настойчиво* упрашивалъ Сафонова какъ-нибудь купить фабрику, машины увезти, а землю перепродать ему, Шлиппе. „Когда я услыхалъ о пожарѣ, сказалъ Сафоновъ слѣдователю, то у меня тогда же явилась мысль, не Шлиппе ли это сжегъ ее?“

Намѣренно затягивая дѣло, слѣдователь продержалъ нѣсколько мѣсяцевъ у себя слѣдственное производство, и не смотря на то, что всѣ вышеизложенныя обстоятельства вполнѣ подтвердились, онъ высказалъ намѣреніе вновь прекратить дѣло; но это ему не удалось и вотъ почему:

7-го марта 1900 года я заявилъ прокурору Московскаго Окружнаго Суда, что имѣются новыя доказательства тому, что Шлиппе хотѣлъ пожара моей фабрики, а именно: въ концѣ іюля 1899 года крестьянинъ сельца Никольскаго Сергѣй Дмитріевъ Соловьевъ, въ присутствіи своихъ односельчанъ: Андрея Марченкова и Герасима Махина, передавалъ Сергѣю Пѣтухову, что Шлиппе его подстрекалъ къ поджогу моей фабрики, говоря: „фабрика эта мнѣ опостылѣла, я не могу на нее смотрѣть, она не даетъ мнѣ покоя; хорошо, еслибъ кто-нибудь сжегъ ее“. То же самое онъ говорилъ и другимъ крестьянамъ, но уже изъ сельца Плѣсенскаго: Акулинѣ Козловой и Андрею Сегачеву, всякій разъ прибавляя: „фабрика — это для меня бѣльмо въ глазу, хоть бы кто пѣтуха пустилъ“.

Въ дополненіе ко всему этому я заявилъ прокурору еще о нижеслѣдующемъ: рабочій Виктора Шлиппе Иванъ Лисеевъ, по прозванію Боровской, ранѣе работавшій у него на мумельномъ заводѣ, будучи за что-то разсерженъ на Шлиппе, сталъ требовать у послѣдняго на Масляной недѣлѣ въ февралѣ 1900 года 25 рублей, которые тотъ будтобы обѣщалъ ему за поджогъ моей фабрики. Идя по двору дома Шлиппе, Иванъ Лисеевъ кричалъ, обращаясь къ Шлиппе, который находился у себя въ домѣ: „ты меня нанялъ поджечь фабрику за

25 рублей, но ничего не далъ и теперь ничего не даешь". Слышавшій это скотникъ Александръ Грачковъ, служащій у Шлиппе, сказалъ Лисееву: „молчи, а то ты за это отвѣтишь". „Какое кому дѣло, что я сжегъ ее? — возразилъ Боровской, — не отвѣчу, а если и буду отвѣчать, то и баринъ со мной вмѣстѣ", и продолжалъ въ томъ же родѣ кричать. Послѣ этого Иванъ Боровской вошелъ въ кухню, гдѣ опять сталъ требовать отъ Шлиппе денегъ, грозилъ ему и стучалъ палкой въ дверь, ведущую изъ кухни въ комнаты Шлиппе. При этомъ были: поваръ Николай, лакей Липатъ и староста сельца Никольскаго Федоръ Тихоновъ. Между угрозами по адресу Шлиппе была такая фраза: „я поджигалъ, а ты стоялъ на дачѣ, съ тобой сдѣлалось дурно, тебя велъ домой Николай". (Николай, по прозванію Благой—сторожъ Шлиппе.) Шлиппе, бывшій во время этой сцены у себя дома, не выходилъ ни во дворъ, ни въ кухню, доколѣ Ивана не выпроводили со двора. При дознаніи все изложенное подтвердилось свидѣтелями самымъ опредѣленнымъ и подробнымъ образомъ.

Въ это время Шлиппе совершилъ новое дерзкое преступленіе: онъ училъ Ивана Лисеева, служившаго ему орудіемъ поджога моей фабрики, какія давать показанія у судебнаго слѣдователя, что также подтверждено многими свидѣтелями.

Вотъ всѣ добытыя слѣдствіемъ фактическія данныя, непосредственно касающіяся поджога*).

Здѣсь мнѣ необходимо было бы изложить Вашему Высокопревосходительству отношеніе судеб-

*) Показанія свидѣтелей: отъ 24 февраля 1900 г. крестьяне: Николай Чернышовъ, отъ 25-го февраля 1900 г. Егоръ Сегачевъ, отъ 28-го марта 1900 г. купецъ Василій Сафоновъ, отъ 28-го апрѣля 1900 г. крестьяне Сергѣй Пѣтуховъ, Андрей Марченко, Герасимъ Махинъ, Сергѣй Соловьевъ, Акулина Козлова, Андрей Сегачевъ, отъ 30-го апрѣля 1900 г. Александръ Грачковъ, Елена Никонова, Артемій Ксенофонтовъ, 3-го мая 1900 г. дворянинъ Николай Прозоркевичъ, отъ 23 мая 1900 г. Лота Хозбергъ и много другихъ свидѣтелей допрошенныхъ въ разное время.

ныхъ лицъ къ этому дѣлу, но это завело бы меня слишкомъ далеко и показалось бы Вамъ плодомъ моего невольнаго раздраженія. По этому замѣчу лишь, что при самомъ возникновеніи дѣла я говорилъ камерному товарищу прокурора, что надо обратить особое вниманіе на веденіе слѣдствія и имѣть постоянно въ виду, что даже энергичному слѣдователю придется считаться съ окружающей обстановкой, такъ какъ Верейскій уѣздъ есть государство въ государствѣ, гдѣ всю силу забрали въ свои руки господа Шлиппе и ихъ сородичи, что всѣ учрежденія въ уѣздѣ, административныя и полицейская власти, начиная съ послѣдняго урядника до исправника находятся во власти этихъ феодаловъ. Не смотря на это предупрежденіе, когда въ іюнѣ 1900 года я пожелалъ присутствовать при допросѣ слѣдователемъ свидѣтелей, вызванныхъ въ село Таширово, выяснилось, что Шлиппе выставлялъ такихъ свидѣтелей, которыхъ предварительно застращивалъ и запугивалъ различными угрозами. Это было ясно и самому слѣдователю, котораго это обстоятельство я и просилъ занести въ протоколъ.

Прощаясь со слѣдователемъ, я предложилъ ему два вопроса: 1) признаетъ ли онъ Шлиппе виновнымъ? и 2) привлечетъ ли его къ отвѣтственности? На первый вопросъ слѣдователь отвѣтилъ утвердительно, на второй же отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на прецедентъ: „по приказанію, я также слабо велъ слѣдствіе по дѣлу объ истязаніи одной дѣвушки нѣкоей баронессою, пока мнѣ не дозволили привлечь ее къ отвѣтственности; тоже самое могу вамъ отвѣтить и о Шлиппе; я его не привлеку.“ „Въ такомъ случаѣ я подамъ на васъ жалобу,“ сказалъ я слѣдователю.

Надо признать, что, боясь ли Бога или оставаясь вѣрнымъ присягѣ, данной Государю, слѣдователь все таки имѣлъ мужество высказать это, и хотя я и подалъ на него жалобу, но въ сущности

въ ней я имѣю въ виду не его личность, и говорю не о немъ, а о всей прокуратурѣ округа Московской Судебной Палаты, съ Н. П. Посниковымъ во главѣ, допускающей подобныя мерзости. Вотъ эта жалоба лично мною поданная прокурору Набокову.

Его превосходительству господину прокурору Московскаго Окружнаго Суда

Прапорщика артиллеріи запаса Александра Ивановича Краснопольскаго, живущаго (тамъ-то)

Жалоба.

Съ апрѣля мѣсяца прошлаго года по настоящее время ведется г. судебнымъ слѣдователемъ Московскаго Окружнаго Суда по Верейскому уѣзду слѣдствіе по дѣлу о поджогѣ фабрики моей въ сельцѣ Плѣсенскомъ.

Дѣло это тогда же, въ маѣ мѣсяцѣ, было прекращено, а въ ноябрѣ того же года возобновлено и направлено къ дослѣдованію.

Веденіемъ дѣла съ самаго начала и до конца я больше, чѣмъ недоволенъ, а потому и приношу Вамъ жалобу на слѣдователя. Въ доказательство привожу *лишь нѣкоторые примѣры,* а именно:

I.

23 апрѣля 1899 года я посылаю слѣдователю *очень важное* для дѣла заявленіе, которому я и въ настоящее время придаю громаднѣйшее значеніе, — и что же дѣлаетъ слѣдователь, получивъ такое заявленіе? Да онъ ровно ничего не дѣлаетъ, и не только ничего не дѣлаетъ, но, къ моему крайнему удивленію, дѣло о поджогѣ моей фабрики прекращаетъ въ маѣ того же 1899 года и, дабы показать свою мнимую дѣятельность, испещряетъ мое заявленіе подчеркиваніемъ краснымъ карандашемъ.

II.

Что же дѣлаетъ слѣдователь съ этимъ заявленіемъ, когда по предписанію г-на прокурора дѣло о поджогѣ фабрики было возобновлено въ ноябрѣ 1899 года? Да, можно сказать, что тоже ничего не дѣлаетъ. Вмѣсто того, чтобы *быстро* приступить къ дѣлу, онъ относится чисто формально къ приказанію прокурорской власти, оттягиваетъ вызовъ свидѣтелей на декабрь и очень удовлетворенъ, когда свидѣтель, какъ становой приставъ Козловъ, говоритъ, что онъ ничего не знаетъ и ничего не помнитъ объ обстоятельствахъ указанныхъ въ моемъ заявленіи. Между тѣмъ, эти обстоятельства происходили не гдѣ-нибудь въ полѣ, гдѣ никого не было, а въ избѣ, *на людяхъ,* и слѣдователь, путемъ очной ставки и перекреснаго допроса этихъ людей *легко* могъ бы установить изложенныя обстоятельства и пришить память не въ мѣру забывчивому становому приставу. Слѣдователь не только ничего этого не дѣлаетъ, а, напротивъ, высказываетъ въ декабрѣ 1899 года желаніе вновь прекратить дѣло. Это слѣдователю не удается потому, что я указываю ему на способы возстановленія истины, что онъ и дѣлаетъ, но не охотно. Вообще, надо замѣтить, что я веду это дѣло, а не слѣдователь.

III.

Я былъ пораженъ бездѣйствіемъ слѣдователя, узнавъ, что онъ данной ему властью не арестовалъ Ивана Боровскаго, когда получилъ извѣстіе черезъ г. прокурора о „масляничной исторіи“, бывшей въ февралѣ настоящаго 1900 года въ домѣ Шлиппе, и въ то же время я узналъ, что Иванъ Боровской скрылся. Немедленно я посылаю заявленіе къ слѣдователю о примѣненіи мѣръ пресѣченія способовъ уклониться отъ слѣдствія по отношенію къ Ивану Боровскому, и это мое заявленіе, — возму-

тительно, — остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Слѣдователь долженъ былъ *безотлагательно* разобщить Шлиппе и Ивана Боровскаго, арестовавъ послѣдняго, но онъ не принимаетъ никакихъ мѣръ и тѣмъ даетъ возможность подстрекателю Шлиппе сообщаться съ поджигателемъ Боровскимъ; въ кабинетѣ у перваго происходитъ цѣлыми часами учеба, какъ показывать у судебнаго слѣдователя. Здѣсь своевременный, хотя бы незначительный и самый легкій арестъ далъ бы *большіе плоды.* Это должно быть ясно ребенку, а не посѣдѣлому слѣдователю. За подобное упущеніе въ слѣдствіи, чѣмъ я могу быть вознагражденъ?

IV.

Когда я узналъ о „масляничной исторіи“ и подстрекательствѣ Шлиппе многихъ крестьянъ сжечь мою фабрику, я немедленно обратился къ содѣйствію г. прокурора. Я просилъ г. прокурора принять всѣ зависящія мѣры къ быстрому разслѣдованію дѣла. Изъ дѣла мнѣ извѣстно, что г. прокуроръ немедленно извѣстилъ слѣдователя. Но что же дальше? Дальше глумленіе... Слѣдователь назначаетъ на 20, 21 и 22 марта слѣдствіе, вызываетъ массу свидѣтелей и, вдругъ, отмѣняетъ слѣдствіе, когда уже всѣ свидѣтели, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлавшіе десятки верстъ, были уже на мѣстѣ допроса. *Отлагаетъ* такое *важное* дѣло и, на какой, Вы думаете, срокъ? На цѣлыхъ 39 дней! Хороша быстрота! Хорошо отношеніе слѣдователя къ предписанію г. прокурора! Хорошо стремленіе къ выясненію истины и къ торжеству правды и справедливости! Зачѣмъ, спрошу слѣдователя, писалъ я просьбу г. прокурору о быстромъ ходѣ дѣла и о принятіи всѣхъ мѣръ? Это ли не посмѣяніе?

Справедливость не можетъ согласиться съ объясненіями слѣдователя о томъ, что онъ отложилъ и медлилъ допросомъ вслѣдствіе случившейся

гдѣ-то кражи, убійства и болѣзни своихъ домашнихъ. Подобныя обстоятельства могутъ постоянно повторяться, и ихъ могло быть больше — и что же, дѣло о поджогѣ вслѣдствіе этого должно отлагаться и отлагаться? Да развѣ преступленіе поджога, соединенное съ подстрекательствомъ, менѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ кража? При томъ совершенное при такой обстановкѣ и такимъ лицомъ? Слѣдователь долженъ былъ телеграммой просить свое начальство командировать ему въ помощь чиновника, если представлялась необходимость произвести одновременный допросъ по разнымъ дѣламъ, но не отмѣнять допроса. Вѣдь существуютъ законныя причины отмѣны допроса, а въ данномъ случаѣ ихъ не было. Слѣдователь долженъ хорошо знать, что нѣкоторымъ свидѣтелямъ, явившимся въ Плѣсенское къ допросу, пришлось сдѣлать много верстъ по испортившимся дорогамъ, въ непогоду, и возможно, что и въ плохой обуви Такое безцеремонное отношеніе къ свидѣтелямъ вліяетъ на ходъ слѣдствія.

Нельзя допустить мысли, чтобы слѣдователь не понималъ этого дѣла и не сознавалъ всей его важности — иначе онъ не долженъ былъ вести это дѣло. По моему убѣжденію, слѣдователь больше, чѣмъ хорошо понимаетъ это дѣло, а потому онъ, поступая такъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, совершаетъ произволъ. Я не вижу въ дѣлѣ проявленія данной ему закономъ власти, я не вижу воли, доброй воли, а я вижу одинъ произволъ. Слѣдователь долженъ знать, что надо дѣйствовать по горячему слѣду; онъ же, какъ видите, бездѣйствовалъ. Когда же обнаружились такія вопіющія обстоятельства, какъ „масляничная исторія,“ а также и подстрекательство Шлиппе нѣкоторыхъ крестьянъ къ поджогу моей фабрики, то слѣдователь начинаетъ дѣйствовать. Но какъ онъ дѣйствуетъ? Слѣдователь позабылъ пословицу:

„куй желѣзо, пока горячо“ и, вмѣсто того, чтобы быстро и энергично заняться разслѣдованіемъ дѣла, а Ивана Боровского арестовать, онъ отмѣняетъ уже назначенный пришедшимъ издалека крестьянамъ допросъ и откладываетъ его на 39 дней, а Ивана Боровского оставляетъ на свободѣ. Но, чтобы показать, что онъ дѣйствительно ведетъ разслѣдованіе, слѣдователь исписываетъ массу бумаги, вызывая свидѣтелей по указанію Шлиппе, а также и по своему разумѣнію, и задаетъ имъ вопросы, не идущіе къ дѣлу и тѣмъ только затемняющіе дѣло. Показанія подобныхъ свидѣтелей обыкновенно тянутся на нѣсколькихъ страницахъ, между тѣмъ какъ ихъ показанія только и заключаются въ томъ, что они ничего не слыхали, ничего не видали и по дѣлу ничего не знаютъ. Кромѣ того слѣдователю извѣстно, что Шлиппе оказываетъ давленіе на выставляемыхъ имъ свидѣтелей. Это было мною случайно обнаружено и занесено въ протоколъ при допросѣ одного изъ указанныхъ Шлиппе свидѣтелей 25 іюня с/г. въ селѣ Ташировѣ. И вотъ такіе-то „свидѣтели“, напуганные угрозами Шлиппе, являются къ слѣдователю, въ присутствіи котораго окончательно теряются и падаютъ духомъ. (Это обстоятельство тоже занесено въ протоколъ.) Какая же цѣна такимъ показаніямъ? Слѣдователь долженъ расположить къ себѣ свидѣтелей, внушить имъ довѣріе, а не страхъ передъ его особой, и только тогда можно ожидать, что свидѣтели покажутъ всю истину.

Отбросивъ всѣ такія показанія, только загромождающія производство и затемняющія его, останется не болѣе десятка показаній, существенно важныхъ для дѣла.

Многократнымъ вызовомъ однихъ и тѣхъ же мало значущихъ свидѣтелей и предложеніемъ всѣмъ вообще свидѣтелямъ совершенно неважныхъ и иногда не идущихъ къ дѣлу вопросовъ, при томъ свидѣтелямъ, пришедшимъ издалека, слѣдо-

ватель поселяетъ недовольство, о чемъ они ему и заявили. Крестьянамъ непонятно, что ихъ такъ часто безпокоятъ тогда, когда дѣло настолько просто и очевидно. Виновность Шлиппе для нихъ несомнѣнна. Они поговариваютъ объ этомъ между собою, а что Шлиппе на свободѣ — они объясняютъ, что для него, Шлиппе, молъ, законы не писаны, онъ имѣетъ знакомства и связи, о чемъ онъ дѣйствительно всѣмъ и каждому говорилъ. Согласитесь, что подобное бездѣйствіе слѣдователя развращающимъ образомъ можетъ вліять на окружающее населеніе.

Такимъ образомъ, если бы слѣдствіе велось по какой-либо системѣ, если бы вносилось въ дѣло только самое необходимое, оно было бы кратко, просто и ясно; теперь же оно запутано, затемнено, закидано массой исписанной бумаги. Подобное исписываніе бумаги и вообще бездѣйствіе слѣдователя повело къ тому, что слѣдствіе протянулось *пятнадцать мѣсяцевъ*.

Въ виду изложеннаго, я имѣю честь принести Вашему Превосходительству жалобу на г. судебнаго слѣдователя по Верейскому уѣзду за его крайнюю медлительность и небрежность веденія дѣла, за полное отсутствіе иниціативы, за непринятіе своевременно надлежащихъ мѣръ по дѣлу и, въ виду того, что, не смотря на плохое веденіе слѣдствія, виновность указанныхъ мною лицъ вполнѣ доказана свидѣтельскими показаніями, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство привлечь къ отвѣтственности Шлиппе и Ивана Лисеева, по прозвищу Боровскаго, или сдѣлать предписаніе г. судебному слѣдователю о немедленномъ привлеченіи къ отвѣтственности означенныхъ лицъ.

Москва, іюля 4-го дня 1900 года.

P. S. Покорнѣйше прошу, Ваше Превосходительство, обратить вниманіе на поданныя мною или

на Ваше имя или непосредственно г-ну судебному слѣдователю бумаги: отъ 23 апрѣля и 12 ноября прошлаго года, отъ 4 января, 7 марта, 23 марта и 9 мая сего года, гдѣ указаны всѣ обстоятельства, о которыхъ я заявлялъ, и которыя подтвердились указанными мною свидѣтелями.

Прокурорская власть признала обстоятельства, заявленныя мною до 12 ноября прошлаго года, достаточными для возобновленія дѣла и привлеченія къ отвѣтственности указаннаго лица, и требовалось только подтвержденіе этихъ обстоятельствъ свидѣтелями. Свидѣтели это подтвердили, а Шлиппе господиномъ слѣдователемъ не привлеченъ. Спрашивается, для чего же въ такомъ случаѣ дѣлался допросъ? Послѣ ноября обнаружились новыя, болѣе важныя обстоятельства, которыя также подтверждены свидѣтелями.

А. Краснопольскій.

При подачѣ жалобы прокурору Набокову я давалъ ему объясненія; онъ выслушалъ, принялъ жалобу и обѣщалъ свое содѣйствіе. Послѣ этого я неоднократно бывалъ въ камерѣ прокурора, но никогда не могъ его увидать; повидимому, онъ избѣгалъ меня, и его обѣщанія и слова такъ и остались словами, такъ какъ черезъ нѣкоторое время дѣло о поджогѣ слѣдователь отослалъ черезъ прокурора въ Московскій Окружной Судъ для разрѣшенія на прекращеніе слѣдствія.

Прокуроръ, въ свою очередь, согласился съ подобнымъ постановленіемъ слѣдователя, зная наперед, что найдетъ поддержку своего малодушнаго дѣянія въ Окружномъ Судѣ.

Мнѣ скажутъ, что моя жалоба на слѣдователя была адресована не въ надлежащее учрежденіе; но зачѣмъ тогда прокуроръ принялъ ее? А разъ онъ принялъ, то обязанъ былъ дѣйствовать, и во всякомъ случаѣ указать мнѣ, куда надо было обратиться съ этой жалобой, словомъ помочь мнѣ,

выйти на встрѣчу моимъ законнымъ требованіямъ, всячески содѣйствовать къ раскрытію преступленія, а не соблюдать лишь формы закона и тѣмъ самымъ быть намѣреннымъ укрывателемъ преступника.

Но эта жалоба не только прокуроромъ но и Окружнымъ Судомъ, который я просилъ затребовать ее отъ прокурора и даже Палатой, куда я послалъ точную копію жалобы, была оставлена безъ послѣдствій.

Окружный Судъ, равно какъ и прокуроръ, не имѣли мужества привлечь знатное лицо къ отвѣтственности и прекратили слѣдствіе, въ полной увѣренности, что это укрывательство пройдетъ суду безнаказанно, и не встрѣтитъ противодѣйствія въ Палатѣ, которой все дѣло о поджогѣ также хорошо извѣстно.

Послѣ такого опредѣленія суда я обратился въ Палату съ жалобой слѣдующаго содержанія:

Въ Московскую Судебную Палату

Прапорщика артиллеріи запаса, Александра Ивановича Краснопольскаго, живущаго Пречистенской ч., I уч., Остоженка, домъ Бѣлова.

Жалоба.

Постановленіемъ Московскаго Окружнаго Суда отъ 4 сентября настоящаго года слѣдствіе о поджогѣ моей фабрики прекращено.

Я нахожу это постановленіе неправильнымъ, такъ какъ судебнымъ слѣдствіемъ, даже при всемъ томъ, какъ оно велось, установлено много данныхъ, въ достаточной степени уличающихъ Шлиппе и Ивана Лисеева, которые обвиняются мною въ означенномъ поджогѣ моей фабрики.

Въ виду того, что ни судебный слѣдователь, ни Окружный Судъ въ своихъ постановленіяхъ не указываютъ мотивовъ, по которымъ они добытыя слѣдствіемъ данныя признаютъ недостаточно уличающими Шлиппе и Ивана Лисеева въ поджогѣ моей фабрики, я долженъ изложить передъ Палатой эти данныя, тѣмъ болѣе, что среди массы записанныхъ слѣдователемъ показаній, тянущихся часто на нѣсколькихъ листахъ, но не содержащихъ въ себѣ для дѣла ровно ничего, трудно отыскать тѣ, какія только и имѣютъ цѣну.

Имѣя въ виду, что настоящее слѣдственное дѣло въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года было прекращено, а затѣмъ въ ноябрѣ того же года было возвращено для дослѣдованія; что какъ тогда, такъ и теперь при дослѣдованіи дѣло велось крайне небрежно и необыкновенно медленно, что во время не было принято никакихъ мѣръ къ разъединенію Ивана Лисеева и Шлиппе, вслѣдствіе чего Иванъ Лисеевъ все время находился подъ покровительствомъ Шлиппе, получая отъ него наставленія, какія давать показанія у слѣдователя, нужно удивляться развѣ тому, что слѣдствіемъ всетаки установлено то, что въ достаточной степени является уликами противъ Шлиппе и Ивана Лисеева. Принимая же во вниманіе, что поджогъ, какъ преступленіе совершаемое при особой обстановкѣ и условіяхъ, трудно уличаемъ, а раскрывается всегда болѣе или менѣе подробно, и иногда путемъ логическихъ положеній, оставляя всегда мѣсто для другихъ умозаключеній, улики въ данномъ дѣлѣ и съ этой стороны представляются столь логическими, что говорятъ сами за себя.

Сожженная фабрика принадлежала Шлиппе, затѣмъ, заложенная мнѣ, она по необходимости оставлена была мною за собою. Находясь какъ разъ напротивъ его дома, она не давала ему покоя. И вотъ онъ всячески старается подстрекнуть кого-либо изъ крестьянъ къ поджогу фабрики. Иначе

нельзя объяснить, почему ему надо было съ нѣсколькими крестьянами говорить о томъ, что хоть бы кто сжегъ ее, пѣтуха пустилъ. Если Шлиппе такъ старается подстрекнуть кого-либо къ сожженію фабрики, и потомъ скоро же за этимъ фабрика дѣйствительно горитъ отъ поджога, то положительно съ необходимостью приходится видѣть въ Шлиппе подстрекателя къ поджогу ея и остается отыскать только непосредственнаго поджигателя, несомнѣнно дѣйствовавшаго съ вѣдома перваго.

И вдругъ, на масляницѣ въ этомъ году Иванъ Лисеевъ съ пьяна, войдя въ куражъ, требуетъ отъ Шлиппе деньги за поджогъ фабрики. Мало того, что требуетъ, а грозитъ при народѣ, кричитъ, затѣмъ, войдя въ кухню, изъ которой дверь ведетъ въ комнаты Шлиппе, стучитъ въ эту дверь палкой, вызывая къ себѣ Шлиппе. И что же дѣлаетъ Шлиппе? Онъ позволяетъ Ивану кричать, ругать и грозить ему сколько угодно, болѣе того, онъ даже заботится о немъ и пишетъ слѣдователю, что боится, какъ бы Ивана не побилъ на деревнѣ Василій Пѣтуховъ. Такое непостижимое расположеніе къ рабочему, позволившему себѣ такое обвиненіе Шлиппе въ поджогѣ и угрожавшему ему, должно только упрочить мысль о соучастіи въ поджогѣ съ Иваномъ Лисеевымъ Шлиппе. Въ дальнѣйшемъ поведеніи Шлиппе видно поведеніе сообщника Ивана Лисеева.

Иванъ Лисеевъ при допросѣ его слѣдователемъ 29 апрѣля с/г. сначала показалъ, что по дѣлу ничего не знаетъ; когда же послѣ письма Шлиппе, имѣющагося въ дѣлѣ и предупреждающаго г. слѣдователя, что Иванъ Лисеевъ хочетъ показать, что онъ кричалъ и требовалъ отъ него, Шлиппе, денегъ за поджогъ фабрики по наущенію Василія Пѣтухова, Иванъ былъ опять допрошенъ, онъ дѣйствительно, сознался, что все, ему приписываемое, происходило, но объяснилъ все это такъ, какъ писалъ Шлиппе.

Извѣстно, что Шлиппе, для собственнаго ли оправданія, или изъ желанія помочь слѣдствію, придумываетъ такую теорію поджога, что невольнымъ или умышленнымъ поджигателемъ фабрики былъ сторожъ ея, Василій Пѣтуховъ, который, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, подъучиваетъ Ивана Лисеева потребовать отъ Шлиппе вознагражденія за поджогъ. Такое объясненіе, даваемое Шлиппе исторіи съ Иваномъ Лисеевымъ, и затѣмъ съ его словъ повторяемое этимъ послѣднимъ, до того наивно, что трудно придумать что-либо болѣе несообразное. Не только не подтвердилось это объясненіе относительно подъучиванія Василіемъ Ивана, но, наоборотъ, вполнѣ выяснилось, что Иванъ Лисеевъ все время былъ подъучаемъ самимъ Шлиппе. Находясь въ сообщничествѣ съ Иваномъ Лисеевымъ послѣ пожара, руководя имъ въ его показаніяхъ у слѣдователя, Шлиппе этимъ самъ наложилъ на себя руки.

Этотъ моментъ въ слѣдственномъ производствѣ является рѣшающимъ; трудно даже представить себѣ болѣе благопріятное положеніе для слѣдствія; между тѣмъ, слѣдователь, повидимому, задался цѣлью только формально исполнять мои просьбы о допросѣ того или другого свидѣтеля, самъ же оставался бездѣятельнымъ и какія бы то ни было раскрываемыя обстоятельства его какъ будто не касались. Само дѣло дало то, что имѣется въ производствѣ и явилось какъ бы безъ вѣдома г. слѣдователя. Лица, свидѣтельствовавшія по дѣлу, съ своей стороны подсказывали то, что являлось очевиднымъ. Сафоновъ, напримѣръ, который сначала отказывался дать какія бы то ни было объясненія, высказалъ въ концѣ концовъ слѣдователю, что, когда онъ услыхалъ о пожарѣ фабрики, то тогда же у него явилась мысль, не Шлиппе ли это сжегъ ее.

Но какое дѣло до всего этого г. слѣдователю? Ему всѣ эти данныя безразличны; они ему ничего

не говорятъ; ему нужно, чтобы самъ Шлиппе пришелъ къ нему съ повинной, а если приходитъ къ нему съ повинной Иванъ Лисеевъ, то онъ ему не вѣритъ, а вѣритъ въ то, что его подъучили принять на себя вину въ поджогѣ и съ пьяна сознаться въ этомъ. Если, дѣйствительно, заранѣе положить себѣ за правило, что доколѣ обвиняемый не явится съ сознаніемъ и раскаяніемъ, дотолѣ онъ не можетъ быть обвиняемымъ, — тогда, конечно, никакое слѣдствіе не приведетъ ни къ чему, какъ бы подробно ни записывались показанія, и какое бы количество томовъ ни получилось въ результатѣ.

Въ виду того, что прочитать все производство является почти немыслимымъ, тѣмъ болѣе, что большая часть записанныхъ показаній для дѣла только обременительна и потому данныя, имѣющія цѣну, теряются въ хаосѣ ненужныхъ допросовъ, — я долженъ указать лишь на показанія свидѣтелей, записанныя отъ 28-го марта, 28-го, 29-го и 30-го апрѣля, 3-го и 23-го мая настоящаго года. Этими свидѣтельскими показаніями, а также и нѣкоторыми предыдущими установлено: 1) что фабрика сгорѣла отъ умышленнаго поджога: она стояла заколоченная, покрытая снѣгомъ, вдали отъ строеній, пожаръ начался со второго этажа, при чемъ поджигатель проникъ черезъ окно нижняго, къ которому велъ по снѣгу слѣдъ валеныхъ сапогъ, окрашенный приготовляемой у Шлиппе краской муміей; 2) что Шлиппе хотѣлъ пожара моей фабрики и подстрекалъ къ тому крестьянъ; 3) что Шлиппе, явившись на пожаръ, не только не принималъ никакихъ мѣръ къ тушенію его, но говорилъ крестьянамъ, что пожаръ для меня долженъ быть пріятенъ, ибо я получу хорошую страховую премію; 4) что Иванъ Лисеевъ требовалъ отъ Шлиппе денегъ, обѣщанныхъ имъ ему за поджогъ моей фабрики; 5) что, сознавшись въ этомъ, Иванъ Лисеевъ далъ объясненія этого, руководимый наставленіями Шлиппе и находясь подъ его покро-

вительствомъ. — Если присоединить къ этому еще всѣ мелочи, разсѣянныя въ дѣлѣ, то виновность Шлиппе и Ивана Лисеева и ихъ сообщничество становятся очевидными даже въ подробностяхъ.

Въ виду всего изложеннаго, я имѣю честь покорнѣйше просить Московскую Судебную Палату, принявъ во вниманіе всѣ эти данныя, а также и то, при какихъ обстоятельствахъ они добыты, препроводить слѣдственное производство къ г-ну судебному слѣдователю по Верейскому уѣзду и предписать ему привлечь къ законной отвѣтственности Шлиппе и Ивана Лисеева въ качествѣ обвиняемыхъ въ поджогѣ моей фабрики.

При этомъ прилагаю: 1) копію моего прошенія въ Московскій Окружной Судъ отъ 19-го августа сего года и 2) копію поданной мною г. прокурору Окружнаго Суда жалобы на дѣйствія г-на слѣдователя отъ 4 іюля сего года, оставленной имъ безъ послѣдствій. А. Краснопольскій.

Москва, 17-го сентября 1900 года.

Отвѣтъ Палаты гласилъ:

№ дѣла 4422.

1900 года ноября 9 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, въ распорядительномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Члена Палаты Д. Ф. Ходановича, въ составѣ Членовъ Палаты: С. Ф. Мальцева и Н. К. Демонси, при прокурорѣ Палаты Н. П. Посниковѣ и при помощникѣ секретаря Н. П. Любатрскомъ слушала: частную жалобу прапорщика артиллеріи запаса Краснопольскаго представленную Московскимъ Окружнымъ Судомъ, при доношеніи отъ 25 сентября 1900 года за № 16703, вмѣстѣ съ слѣдственнымъ производствомъ о поджогѣ фабрики Краснопольскаго.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла о поджогѣ утромъ 28 марта 1898 года*) при селѣ Плѣсенскомъ Верейскаго уѣзда, бумаго-оберточной фабрики прапорщика запаса Краснопольскаго, прекращенное по опредѣленію Московскаго Окружнаго Суда отъ 4 сентября 1900 года въ порядкѣ 277 ст. Уст. Угол. Суд., выслушавъ заключеніе прокурора Палаты и сообразивъ съ обстоятельствами этого дѣла частную жалобу Краснопольскаго на упомянутое опредѣленіе суда отъ 4 сентября 1900 года, Судебная Палата находитъ, что данными предварительнаго слѣдствія и показаніями свидѣтелей установлено, что при началѣ пожара землевладѣлецъ Викторъ Шлиппе, на котораго первоначально Краснопольскій заявилъ подозрѣніе въ поджогѣ, спалъ, былъ разбуженъ прислугою, какъ пожаръ на фабрикѣ Краснопольскаго уже былъ обнаруженъ и потому высказанное Краснопольскимъ предложеніе, что поджогъ этотъ былъ учиненъ Викторомъ Шлиппе представляется лишеннымъ основанія; что данныя дѣла дали лишь основаніе къ предположенію, что пожаръ этотъ могъ быть учиненъ другимъ лицомъ по подстрекательству Виктора Шлиппе, враждебныя отношенія котораго къ владѣльцу фабрики Краснопольскому представляются однако недостаточно установленными; данныя же, указывающія на такое участіе Виктора Шлиппе въ поджогѣ фабрики Краснопольскаго, сводятся къ послѣдовавшему черезъ два года послѣ пожара заявленію**) крестьянина Ивана Лисеева, онъ же Боровской, что поджогъ этотъ былъ имъ учиненъ по подговору Шлиппе, который обѣщалъ ему за совершеніе

*) Поджогъ былъ совершенъ въ 1899 г. 23 марта.

**) Не черезъ два года, а менѣе, чѣмъ черезъ 11 мѣсяцевъ произошелъ скандалъ, а не заявленіе Лисеева.

Такъ относится Палата къ своимъ обязанностямъ. По этому можно судить и вообще о всѣхъ дѣйствіяхъ ея: — намѣренное умолчаніе, искаженіе фактовъ, словомъ, желаніе во что-бы то ни стало обѣлить Шлиппе. Умышленно или легкомысленно —

этого поджога 25 рублей, но таковыхъ не уплатилъ.

Принимая во вниманіе, что по удостовѣренію Лисеева, онъ кричалъ на дворѣ Шлиппе о подстрекательствѣ его послѣднимъ въ поджогу фабрики Краснопольскаго по уговору сторожа этой фабрики Василія Пѣтухова, что въ дѣйствительности онъ никакого участія въ поджогѣ этой фабрики не принималъ и Шлиппе его къ совершенію этого поджога не склонялъ, что по удостовѣренію спрошенныхъ по дѣлу свидѣтелей, слышавшихъ заявленіе Лисеева о совершеніи имъ поджога, онъ, дѣлая его, былъ настолько пьянъ, что тутъ же и свалился во дворѣ Шлиппе, Судебная Палата находитъ, что при отсутствіи другихъ уликъ по отношенію къ Лисееву, одно это заявленіе его не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для обвиненія его въ поджогѣ фабрики Краснопольскаго, а Шлиппе — въ подстрекательствѣ Лисеева къ совершенію этого поджога. Посему и принимая во вниманіе, что данными слѣдствія представляется недостаточно установленнымъ, чтобы слѣдъ, шедшій отъ дороги къ фабрикѣ Краснопольскаго и о которомъ, по словамъ Лисеева и другихъ, Пѣтуховъ заявлялъ, какъ о сдѣланномъ рабочимъ Шлиппе, былъ оставленъ на снѣгу въ утро пожара, такъ какъ по отношенію къ вопросу о свѣжемъ происхожденіи этого слѣда показанія свидѣтелей противорѣчатъ между собою, а время его происхожденія осмотромъ установить не удалось, Судебная Палата находитъ, что состоявшееся по дѣлу о поджогѣ фабрики Краснопольскаго опредѣленіе Московскаго Окружнаго Суда отъ 4 сентября 1900 года о прекращеніи этого дѣла за отсутствіемъ уликъ, представляется правильнымъ, почему жалоба Краснопольскаго на это опредѣленіе должна быть оставлена безъ послѣдствій.

По изложеннымъ основаніямъ Судебная Палата *опредѣляетъ:* частную жалобу прапорщика ар-

тиллеріи запаса Александра Краснопольскаго оставить безъ послѣдствій, о чемъ для свѣдѣнія и объявленія Краснопольскому съ препровожденіемъ подлиннаго производства, въ 4 томахъ, дать знать указомъ Московскому Окружному Суду. (Подписи.)

Это постановленіе Палаты не выдерживаетъ никакой критики; разбирать его здѣсь — значитъ унижать достоинство суда; подобныя явленія не должны имѣть мѣста въ судебныхъ учрежденіяхъ. Такъ могла дѣйствовать Палата, очевидно лишь заручившись совмѣстно съ гг. Шлиппе поддержкой нѣкоторыхъ лицъ на случай, если я обращусь въ канцелярію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ.

Теперь я вижу, что мнѣ приходится бороться не съ г. Шлиппе, а съ судебнымъ міромъ и тѣми высокопоставленными лицами, которыя покровительствуютъ сей достойной фамиліи.

Прежде я вѣрилъ въ русскій гласный, правый и милостивый судъ; теперь же волей-неволей мнѣ приходится смотрѣть, какъ на комедію, — на отправку судомъ дѣла въ Канцелярію Прошеній, если канцелярія того потребуетъ, — дѣла, представляющаго изъ себя ворохъ запутанныхъ бумагъ.

Когда былъ совершенъ поджогъ, я смотрѣлъ на это, какъ на обыкновенное, уголовное дѣло; затѣмъ, ночное посѣщеніе меня приставомъ придало этому дѣлу интересъ въ бытовомъ отношеніи; въ настоящее же время, оно получило важное общественное и государственное значеніе. Подобныя дѣйствія суда и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ расшатываютъ основы государства; вмѣсто того, чтобы быть оплотомъ правды и законности, судъ служитъ оплотомъ, защитой и убѣжищемъ привеллигированныхъ преступниковъ; поневолѣ приходишь къ той мысли, что не будь суда, эти лица побоялись бы безнаказанно совершать преступленія, имъ негдѣ было бы укрыться: у нихъ

былъ бы страхъ по крайней мѣрѣ передъ народомъ.

Получая въ государствѣ привилегіи, и упрочивая свое положеніе, гг. Шлиппе и имъ подобные тѣмъ болѣе могутъ проявлять произволъ и даже, забравъ власть въ свои руки, держать въ страхѣ судебный міръ, который долженъ быть независимъ, стоять на стражѣ законности, и всегда имѣть мужество привлечь къ отвѣтственности даже приближенныхъ къ Государю лицъ, если они нарушаютъ законъ и измѣняютъ своему Государю. Вѣдь одно изъ основныхъ началъ русской народной правды есть охрана Самодержавія! Судъ, малодушно уступая такимъ лицамъ, совмѣстно съ ними расшатываетъ основы государственнаго строя. Эти люди лицемѣрно говорятъ о преданности своей Государю, но въ ихъ устахъ, это лишь гнусная ложь. Государь не есть глава извѣстной группы лицъ, а Отецъ всего русскаго народа, который не дозволитъ посягать на самодержавіе. Высшее дворянство и судебное вѣдомство должны помнить, что Государь осыпаетъ ихъ милостями и даетъ имъ высокое положеніе въ русскомъ государствѣ не для того, чтобы они укрывали преступниковъ, не для того, чтобы творили беззаконія. Описанныя дѣйствія суда на глазахъ у всѣхъ роняютъ его достоинство и невольно заставляютъ терять вѣру въ правосудіе.

Обращаясь къ Вашему Высокопревосходительству, я въ правѣ ожидать, что дѣло о поджогѣ моей фабрики и главнымъ образомъ связанное съ этимъ дѣломъ преступленіе должностныхъ лицъ заставитъ Васъ, какъ Генералъ-Прокурора выполнить свой долгъ и оправдать довѣріе Государя, возложившаго на Васъ охрану правосудія въ Россіи. И Богъ знаетъ, идя по этому пути, не раскроете ли Вы еще много другихъ подобныхъ же преступленій.

Въ сердцѣ всякаго, кому дороги интересы Ро-

дины и кто не лицемѣрно, а дѣйствительно любитъ Государя и Россію, я найду откликъ этому моему открытому заявленію; да иначе и быть не можетъ, ибо это есть долгъ каждаго вѣрноподданнаго. Меня же кромѣ того, заставляетъ открыто говорить и бороться за правду военное званіе, къ которому я принадлежу, и которое повелѣваетъ мнѣ слѣдовать присягѣ, данной Государю; я считаю, что умолчаніе — было бы равносильно преступленію.

Опубликованіемъ настоящаго письма я не только стремлюсь къ возстановленію моего попраннаго права, но и исполняю свой общественный и вѣрноподданическій долгъ русскаго гражданина. Отъ Вашего Высокопревосходительства будетъ зависѣть дальнѣйшее движеніе этого дѣла, я же съ своей стороны имѣю честь предупредить Васъ, что если въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня опубликованія этого письма дѣло не будетъ двинуто въ надлежащемъ направленіи, мнѣ не останется ничего иного, какъ настоящія строки опубликовать во французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ. Пусть, если не внутреннее сознаніе, то хоть стыдъ передъ общественнымъ мнѣніемъ „просвѣщенной Европы,“ — сила, столь у насъ грозная — заставитъ русскій судъ сойти съ того пути, на который онъ къ несчастію начинаетъ направляться.

Мой адресъ: Москва, Остоженка, домъ Бѣлова. Александръ Краснопольскій

Типографія П. Станкевича, Берлинъ, Бернбургерштрассе 14.